

УДК 94(47+571)«1943-1950»
ББК 63.3(25)622+63.3(2)631
DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).727-762](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).727-762)

А. А. Долголюк
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация
Н. М. Маркдорф
Новосибирский государственный
педагогический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

РЕПАТРИАЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ИЗ СИБИРСКИХ ЛАГЕРЕЙ

Аннотация. В рамках данной статьи проанализированы особенности государственной и региональной политики в процессе репатриации на родину военнопленных Второй мировой войны и интернированных гражданских лиц. На основе широкого круга источников центральных и местных архивов исследованы основные этапы и специфика репатриации бывших вражеских солдат из Сибири, показаны достижения и неудачи, имевшие место при отправке людей на родину, определены численность и национальный состав иностранцев, освобожденных из сибирских лагерей, рабочих батальонов и спецгоспиталей с 1945 по 1950 г.

Ключевые слова. Вторая мировая война, иностранные военнопленные, интернированные, лагеря НКВД-МВД СССР, репатриация, Сибирь.

A. A. Dolgoliuk
Institute of History of the SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation
N. M. Markdorf
Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russian Federation

REPATRIATION OF PRISONERS OF WORLD WAR II FROM SIBERIAN CAMPS

Abstract. The article analyses the specifics of state and regional policy during the repatriation of prisoners of

World War II and interned civilians to their motherland. A vast number of sources in central and local archives allowed to study the key stages and specifics of repatriating former enemy soldiers from Siberia and to highlight the achievements and failures that took place while people were sent to their motherland. It also allowed to determine the number and national composition of foreigners freed from Siberian camps, worker battalions and special hospitals between 1945 and 1950.

Keywords. World War II, foreign prisoners of war, interned persons, prison camps of NKVD-MVD of the USSR, repatriation, Siberia.

Перемещение больших людских масс, в том числе целых этносов по миру и внутри отдельных государств происходило на протяжении всей истории человечества. Оно имело разные причины и обычно резко возрастало накануне, во время войн и после их завершения. Невиданные ранее масштабы миграции населения наблюдались в период Второй мировой войны. В нее были вовлечены жители всех участвующих в войне стран, в том числе и СССР. Миллионные потоки советских людей — военных и гражданских интенсивно перемещались по всем направлениям, как внутри страны, так и за ее пределы. Кроме них миграционным движением были охвачены и иностранцы. Большую их часть составляли военнослужащие вражеских армий, а на завершающем этапе войны и после ее окончания к ним добавились интернированное гражданское население, как из западных, так и из восточных государств. Возвращались на родину и угнанные с оккупированных территорий советские граждане. Эти человеческие потоки также исчислялись миллионами.

В настоящей статье объектом изучения являются военнопленные западных и японской армий, а также интернированные в 1943–1946 гг., оказавшиеся в Сибири. Предметом исследования стала их репатриация на родину из сибирских лагерей. Здесь она началась

в 1945 г., а закончилась в 1950 г., когда был ликвидирован последний режимный лагерь № 464. Завоз военнопленных и интернированных в лагерь и следовавшая через несколько лет их поэтапная отправка на родину стали специфической формой миграции населения. По расчетам авторов всего через сибирские лагеря прошло 230–240 тыс. военнопленных и интернированных. Из них 26–28 тыс. умерли. Остальные были репатриированы на родину, за исключением нескольких десятков человек, создавших здесь семьи и навсегда связавших свою судьбу с Сибирью или другими регионами СССР [2, с. 52; 9, с. 89].

В работе мы рассмотрим, как на практике осуществлялась репатриация военнопленных из лагерей региона и какие имела особенности. Сразу же отметим, что она проводилась на основе и в сроки, установленные правительственными решениями, оформленными преимущественно в виде постановлений Государственного комитета обороны, базируясь на которых НКВД, а позднее МВД СССР, издавали приказы, конкретизирующие порядок исполнения директивных указаний.

В статье делается попытка выявить региональную специфику проведения, а также позитивные и негативные итоги репатриации. Решить эту задачу стало возможным на основе использования общесоюзных материалов с привлечением документов содержащихся в региональных отчетах Управлений МВД краев и областей, а также в строевой отчетности, в этапных списках военнопленных, убывающих на родину.

Женевская конвенция о военнопленных 1929 г. предусматривала возвращение военнопленных на родину в кратчайшие сроки после заключения мира. Однако Советский Союз не подписывал ее, поэтому вроде бы и не имел обязательств по репатриации содержащихся на его территории бывших военнослужащих вражеских армий. К тому же долгое время не было

официальных актов, зафиксировавших прекращение войны между СССР и его противниками во Второй мировой войне. Первый такой документ с Германией, появился лишь в 1955 г., а мирного договора между Россией и Японией не существует до настоящего времени. Все это крайне осложнило судьбы военнопленных и затруднило их возвращение в свои страны.

Данная проблема уже давно разрабатывается в отечественной и зарубежной историографии, с тех пор, как внимание к ней сразу же после окончания войны стали привлекать Международный Красный Крест и другие общественные организации. При этом последние регулярно апеллировали к международному праву, к накопленному за многие годы опыту репатриации пленных в родные для них страны. В связи с чем, правовые вопросы стали одними из тех, что рассматривались в различных исследованиях, особенно в течение трех последних десятилетий. К настоящему времени дипломатические и политические аспекты данной проблемы, также как и основные итоги репатриации, получили определенную разработку, в том числе и в исторической литературе [1; 3–9; 11].

Анализ документов разного уровня показал, что процесс репатриации, прежде всего в количественном отношении, напрямую зависел от социально-экономической и политической ситуации в стране. Государственные постановления, директивные указания и инструкции с идеологическим подтекстом отражали, с одной стороны, стремление как можно дольше сохранить в стране дешевую рабочую силу, с другой — намерение использовать в послевоенном мире новых «сторонников социализма», и напротив, не допустить возвращения в Европу и Японию потенциальных противников социалистического строя.

В первые же месяцы после окончания войны с Германией стало ясно, что советское руководство не намерено форсировать репатриацию военнопленных. Из

постановления ГКО «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных», принятого 4 июня 1945 г., следовало, что этому контингенту отводится важная роль в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. И хотя этим же постановлением НКВД обязывалось освободить и отправить на родину из тыловых лагерей и спецгоспиталей до 225 тыс. человек, было очевидно, что репатриация затянется.

В последовавшем за этим постановлением приказе Л. П. Берии перед Главным управлением по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) ставилась задача тщательного отбора для отправки на родину нетрудоспособных, к которым были отнесены инвалиды, лица, страдающие туберкулезом и дистрофией, больные с незаживающими ранами. Причем в списки на репатриацию разрешалось вносить только рядовой и унтер-офицерский состав [4, с. 57]. Отбор проводился специально созданными комиссиями, возглавляемыми начальниками областных и краевых управлений НКВД. Уже это подчеркивало важность проводимого мероприятия. И этот принцип отбора репатриантов с приоритетным учетом их физического состояния выдерживался до 1949 г.

Лишь после того, как Советский Союз подписал Женевскую конвенцию о защите жертв войны, предусматривающую возвращение пленных, сразу после прекращения военных действий, власти под давлением мирового общественного мнения были вынуждены форсировать возвращение военнопленных на родину.

Хотя следует заметить, что и до выхода указанного постановления из плена было освобождено немало лиц вне зависимости от состояния здоровья. Еще во время войны часть военнопленных преимущественно славянских национальностей были освобождены из лагерей для формирующихся национальных воин-

ских подразделений. В них отбирались добровольцы из военнопленных румын, поляков, чехов, словаков, венгров, югославов, французов. Коснулось это и сибирских лагерей. Еще в ноябре 1943 г. в 93-м лагере из румын было отобрано 199 добровольцев, которых направили в формирующуюся румынскую армию¹. Дифференциация военнопленных по национальному признаку и по гражданству с началом репатриации проявилась еще более зримо. В 1945 г. в первую очередь возвращались на родину подданные Польши, Чехословакии, Югославии, затем – французы, американцы, англичане, греки, бельгийцы, болгары, голландцы, люксембуржцы, датчане, норвежцы, шведы, швейцарцы и итальянцы. При этом в ходе подготовки к отправке на родину уже первых партий военнопленных ставилась задача их идеологической обработки. Вернувшись в свои страны, эти люди должны были стать сторонниками построения нового послевоенного социалистического мира.

В целом по Советскому Союзу, как свидетельствуют документы НКВД СССР, в 1945 г. по двум постановлениям ГКО от 4 июля и 13 августа было репатриировано по одним данным 1 009 тыс., а по другим – 1 015 тыс. человек [4, с. 61]. Большую часть из них составляли пленные, находившиеся во фронтовых лагерях, госпиталях и приемных пунктах. Преимущественно это были больные и ослабленные. И освобождались они не столько из гуманных соображений, сколько из-за того, что одни были вовсе не пригодны к труду, а работоспособность других была сомнительной. Ориентация на пригодность к труду определяла и все последующие репатриационные волны.

Еще одним серьезным мотивом для освобождения из фронтовых лагерей в 1945 г. относительно большого количества пленных стала чрезмерная перегрузка

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 14.

железных дорог, нехватка вагонов для транспортировки больших людских масс. По этой же причине из тыловых лагерей и спецгоспиталей была вывезена лишь четверть от общей численности репатриированных, хотя администрации лагерей готовы были расстаться с гораздо большей частью нетрудоспособного контингента.

Для сибирских лагерей этот вопрос был еще более острым. Помимо нехватки вагонов, добавлялись проблемы многотысячных расстояний, которые предстояло преодолеть, а также суровых природно-климатических условий региона. В холодные осенне-зимние месяцы вывозить больных, особенно находящихся в тяжелом состоянии, означало подвергнуть их смертельной опасности. Впрочем, как показала дальнейшая практика, не менее рискованным было и содержание людей в зиму 1945/1946 гг. в плохо обустроенных лагерях.

Отправка военнопленных на родину из сибирских лагерей началась в июне 1945 г. Перед этим все обитатели лагерей подверглись очередной фильтрации. Этот порядок был закреплен и на последующие годы. Среди них выделили хронических больных (прежде всего страдающих дистрофией различных степеней), инвалидов. Они подлежали первоочередной отправке на родину. Учитывался и возраст невольников. Чем старше был человек, тем больше у него было шансов попасть в список первоочередных репатриантов. Такой же подход позднее использовался и в отношении японцев.

Не подлежали репатриации лица, которые, по мнению оперативных органов, были враждебно настроены по отношению к Советскому Союзу. Они составили так называемый «подучетный контингент». Вне зависимости от состояния здоровья не подлежали отправке служившие в гестапо, участники карательных акций на оккупированной советской территории,

находившиеся под чекистским наблюдением. Вопрос об их освобождении откладывался на неопределенные сроки. Фактически отправка этих людей на родину растянулась до 1956 г.

Отбор и подготовка к отправке первых кандидатов на освобождение проводились в условиях строжайшей секретности, под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальных оздоровительных лагерных отделениях и сокрытия происходящего от остальных пленных. О цели перемещения репатрируемым объявлялось в пути следования эшелона и при приближении к государственной границе¹.

Превалирующую часть репатриированных в 1945 г. составили все же больные. Руководители лагерей старались избавиться как можно от большего количества людей, не способных к производительному труду. При этом они не всегда обращали внимание на директивные указания Наркома Внутренних дел СССР, запрещающих отправку тяжело и неизлечимо больных. Так, администрация 525-го лагеря отправила из Кемеровской области в составе первой группы репатриантов, убывающих эшелонами № 97536 и № 97537 кочных больных численностью 249 человек. Еще при формировании этапа умерло 6 человек, 8 тяжелобольных сняли с эшелона в момент погрузки. В акте проверки было отмечено, что весь контингент отрядили без санитарной обработки, со 100 % педикулезом и в «полураздетом состоянии». В октябре 1945 г. Управлением лагеря МВД № 525 в обход директивы Наркома Внутренних дел СССР вновь была произведена отправка тяжелобольных пленных, в результате чего из 150 человек четверо умерли при формировании эшелона. В результате безответственного комиссования военнопленных – 41 человек погибли в дороге и

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 14. Л. 327-333.

10 были сняты через 10 дней пути с эшелонов в Новосибирске как нетранспортабельные больные¹.

Отправка больных на родину стала одним из самых действенных способов улучшения показателей, характеризующих физическое состояние обитателей лагерей. Он использовался повсеместно. При отправке первых эшелонов возникало много организационных неурядиц. В спешке не всегда удавалось выполнить в полной мере требования инструкции по организации «отправки людей в утепленных вагонах, обеспеченных медикаментами, топливом и необходимым бытовым инвентарем»². Не на должном уровне находилась организация питания и медицинского обслуживания. Например, такое положение наблюдалось в эшелоне № 98106, которым на запад из 199-го новосибирского лагеря уезжали около 1900 немцев, австрийцев, венгров, поляков и румын.

Начав в 1945 г. освобождение из лагерей больных, физически ослабленных людей, советские власти придерживались данного принципа и в два последующих года. Главной целью репатриации в этот период было освобождение лагерей от физически неполноценного контингента. При этом одновременно власти снимали с себя заботу о больных людях и инвалидах, сокращали расходы на их содержание. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к названиям лишь некоторых приказов Министра внутренних дел о репатриации. Вот они: «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других национальностей» (27 июня 1946 г.); «Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии (немцев) и интернированных немцев»

¹ Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. П. 8. Д. 37. Л. 82, 249.

² Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-456. Оп. 4. Д. 43. Л. 13-14.

(20 мая 1947 г.); «О репатриации 100 тыс. нетрудоспособных немцев» (15 октября 1947 г.); «О репатриации в 1948 г. больных и мало-работоспособных военнопленных немцев» (27 февраля 1948г.). Уже из них видно, какой контингент находился в эшелонах, двигавшихся в 1945–1947 гг. на запад, а позднее и на восток.

Вслед за военнопленными с лета 1946 г. промышленные предприятия в Сибири в организованном порядке приступили к отправке в Германию транспортабельных нетрудоспособных интернированных гражданских лиц – немцев и поляков (в том числе неизлечимо больных алиментарной дистрофией и туберкулезом), а также инвалидов, беременных, женщин старше 35 лет и детей¹. Из рабочих батальонов стали также отправлять семьи. Среди депортированных немецких и польских женщин стало заметно увеличиваться количество беременных, в том числе и потому, что они поняли, что рождение детей или беременность дает реальный шанс для быстрого возвращения на родину. Всех получивших право на отъезд обеспечили исправной одеждой, нательным бельем, обувью и продовольствием. При этом интернированный получал по одному комплекту зимней одежды и постельных принадлежностей, две пары белья и месячный запас продовольствия на весь путь следования. Возвращение на родину этой категории «спецконтингента» также затянулось по сравнению с плановыми сроками. Например, из отдельного рабочего батальона (ОРБ) № 1104 основная часть интернированных была отправлена в свои страны к октябрю 1949 г. Остались в Кузбассе лишь те, кто не прошел «оперативной фильтрации». Их перевели в режимный лагерь № 464, либо отправили в лагерь № 27 МВД СССР (Московская область)².

Количество физически здоровых военнопленных и интернированных среди отъезжающих в первые три

¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 2. Д. 2. Л. 7.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 60.

года было относительно небольшим. За этим строго следили органы по репатриации. Виновных в невыполнении инструкций по фильтрации могли и наказать. Например, такое взыскание получил начальник второго лаготделения 503-го лагеря за то, что, по мнению комиссия ГУПВИ «самоустранился от отбора военнопленных для репатриации во Франкфурт-на-Одере». Он «откомиссовал на родину немцев из совершенно здорового контингента. В результате этого 50 % пленных сняли с эшелона, отправленного в Германию»¹. И это был далеко не единичный случай. Военнопленных первой и второй групп трудоспособности нередко десятками снимали с эшелонов².

Военнопленные и интернированные в первые послевоенные годы считались советским правительством одним из важнейших источников пополнения индустриальных отраслей экономики трудовыми ресурсами. Они не хотели допустить того, чтобы созданные с большим трудом лагеря пустовали. Поэтому партийные и хозяйственные руководители страны и регионов стремились к тому, чтобы нетрудоспособных убывших людей заменить здоровыми. Особенно остро кадровая проблема встала в угольной промышленности восточных районов СССР. После массового оттока мобилизованных и эвакуированных в годы войны, практически все шахты испытывали кадровый голод.

Для решения этой проблемы в угольной промышленности и некоторых других отраслях Совет Министров СССР 23 декабря 1946 г. принял специальное постановление³. В соответствии с ним угольные тресты взамен репатрируемых непригодных к труду немцев получали такое же количество квалифицированных специалистов, а также осужденных за различные преступления бывших партийных функционеров низ-

¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 1. Д. 37. Л. 115–116.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 113–117.

³ ГАРФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1а. Д. 204. Л. 116–121.

шего звена, членов НСДПГ из спецлагерей Германии, находившихся в советской зоне оккупации. Одновременно устанавливался порядок их ввоза и размещения. Планировалось распределение иностранцев по отдельным районам СССР.

Реализация постановления в Кузбассе началась с марта 1947 г. До конца года три лагеря Кемеровской области — № 503, № 525 и № 526 и ОРБ № 1104 — были пополнены более чем на 10 тыс. человек, что несколько превышало первоначальные плановые показатели для этого региона. Среди прибывших преобладали немцы¹. Физическое состояние этого контингента оказалось также не высоким. Людей привезли в основном из тюрем разрушенной страны. До отъезда им пришлось пройти через голод, холод и массовые эпидемии [10, с. 145]. Для высокопроизводительного труда этот контингент оказался непригоден. Поэтому от их труда на подземных работах уже вскоре стали отказываться, заменяя их вольнонаемными или военнопленными, уже получившими опыт работы в шахтах. Новичков постепенно перевели на сельхозработы в подсобных хозяйствах, стали использовать в качестве лагерной obsługi².

Поскольку физическое состояние военнопленных и интернированных в сибирских лагерях было хуже, чем в западных и южных районах, то они практически всегда попадали в приказы на репатриацию. Ситуация часто складывалась таким образом, что не успевал эшелон с репатриантами достигнуть границы, как в лагерях опять накапливался нетрудоспособный контингент. Так, в 93-м лагере лазаретные больные и находящиеся в оздоровительных командах в 1945 г. составляли 17 %, в 1946 г. — 18 %, в 1947 г. — 29 %, в 1948 г. — 9 %³. И это при том, что численность содержащихся в

¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 7. Д. 4. Л. 11-13.

² ГАКО. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 22. Л. 40-41.

³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 16.

лагере, в основном за счет репатрируемых больных, постоянно сокращалась.

В 1945–1946 гг. репатриация проводилась непосредственно органами МВД СССР. С 1947 г., подлежащие репатриации пленные, передавались МВД СССР в ведение Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации. В соответствии с приказом МВД СССР для выявления нетрудоспособного контингента повсеместно действовали отборочные комиссии под руководством ответственных работников УМВД краев и областей, с привлечением врачей, сотрудников политорганов, оперативных и отчетных отделов Управлений лагерей.

Приказы и инструкции руководителей, ответственных за проведение репатриации, рекомендовали размещать военнопленных в вагонах небольшими партиями (по 30–50 человек). Однако это правило соблюдалось редко. Долгий путь приходилось проделывать в обстановке скученности, переносить массу иных неудобств.

Директивы ГУПВИ требовали от лагерной администрации проводить тщательную санитарную обработку и соответствующую экипировку отъезжающих всеми предметами военного имущества, в соответствии с установленными нормами. По возможности эти требования стремились выполнять. Хотя и это не всегда удавалось сделать. Так в 1947 г. для передачи органам репатриации военнопленные из 7-го лагеря направлялись в непригодной для носки брезентовой обуви на деревянной подошве и частично в ветхом обмундировании второго и третьего сроков носки. В дальнейшем положение было исправлено, и военнопленные стали обеспечиваться всем необходимым¹.

Передача пленных западных армий осуществлялась в специально выделенных для этого лагерях: в Си-

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 76. Л. 56.

гете и Фокшанах (Румыния), во Франкфурте-на-Одере (Германия), Бресте и некоторых других. Репатриация японцев проводилась через дальневосточный порт Находка. Помимо этого немалая их часть была возвращена на родину через Северную Корею (порт Посьет).

Репатриация нетрудоспособных пленных Квантунской армии началась в июне 1946 г. Каждому региону был определен ориентировочный лимит, после утверждения которого в ГУПВИ МВД СССР и производился отбор¹. В западносибирских лагерях доля больных среди японских военнопленных оказалась чрезвычайно высокой. В Кемеровской области она составляла около трети от общей численности, а в Алтайском крае вообще достигала половины². Ситуация осложнялась еще и тем, что в лагерях свирепствовала эпидемия сыпного, а затем и брюшного тифа. Японцы оказались менее адаптированными к сибирским и лагерным условиям жизни и более подверженными этим заболеваниям. Поэтому потребовалось срочно отправить на родину многих из них.

Неблагополучным по медико-санитарным показателям являлись и лагеря Восточной Сибири, в которых содержались лишь представители японской армии. Хотя в этом регионе было гораздо больше спецгоспиталей, чем в Западной Сибири, они все же были не в состоянии поддерживать физическое состояние контингента на удовлетворительном уровне. В таких условиях руководители НКВД СССР и его местных управлений считали лучшим способом улучшения качества «трудового фонда» массовую репатриацию нетрудоспособного контингента и завоз новых партий «трудовых ресурсов».

¹ ГАРФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 735. Л. 15-18; РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 1-5, 9, 17, 20; ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 2. Д. 2. Л. 49; П. 7. Д. 2. Л. 153.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 1-2.

Заместитель начальника ГУПВИ НКВД СССР генерал-майор Ратушный в приказе от 21.05.1946 г. за № 8/4 предложил все поступающие из сибирских управлений внутренних дел заявки на репатриацию военнопленных бывшей Японской армии в зависимости от наличия в регионе финансовых средств удовлетворять полностью¹.

Однако численность все увеличивающегося нетрудового фонда, от которого необходимо было «освободиться» лагерям и ОРБ, значительно превышала количество мест в формирующихся для репатриации эшелонах. Поэтому в первую очередь отправлялись тяжелые, лазаретные больные, способные перенести дорогу. Их размещали в вагонах с учетом физического состояния и диагноза. Действовало категорическое правило: «Границу не должен пересечь ни один покойник».

В 1946 г. репатриация японских военнопленных проводилась форсированными темпами. Лишь только из двух лагерей Красноярского края в 1946 г. было вывезено 6 146 человек [12, с. 23]. Это была крупномасштабная акция по всей Сибири, которая в целом завершилась с удовлетворительными результатами, хотя не удалось вывезти и половины, из тех, кого администрация лагерей желала бы отправить на родину [12, с. 104, 149]. Из лагерей, расположенных в Красноярском крае, в 1946 г. уехало на родину 9,5 %, а из лагеря № 7 (Иркутская область) было отправлено лишь 5 % от общей численности пленных. Большая часть оставшихся была освобождена в два последующих года². Так, из 34-го лагеря в 1947 г. было освобождено более половины от общей численности содержащихся в нем, а в 1948 г. — остальные. Исключение составили 252 корейца и 44 японца, отправленные в Хабаровский край в режимный лагерь № 16³.

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 17. Л. 28.

² Там же. Оп. 15а. Д. 352. Л. 100.

³ Там же. Д. 76. Л. 56; Д. 79. Л. 36, 37.

В ходе репатриации был проведен целый комплекс предварительных медико-противоэпидемических мероприятий. Вместе с пленными японцами направлялись их истории болезней, обеспечивалось сопровождение медицинским персоналом, в составе которого находились вольнонаемные или военнопленные врачи.

Эшелоны снабжались всем жизненно необходимым и в соответствии с инструкцией о перевозках, оборудовались одноярусными нарами, имели нужный запас топлива и продовольствия на 35–37 суток. Перед отправкой все отъезжающие прививались против оспы, желудочно-кишечных заболеваний. В дороге они обеспечивались горячим двух-, а некоторые и трехразовым питанием.

В Красноярске эшелоны подвергались ревизии членом Комиссии МВД СССР с составлением подробных актов обследования, сверкой сведений о количестве больных, их диагнозах, на предмет соблюдения санитарных норм, комплектования продовольствием и медикаментами. Донесения по выявленным недостаткам передавались в Москву.

Все случаи отклонения от норм репатриации безотлагательно рассматривались и обсуждались в ГУПВИ, УМВД по краям и областям. Единственным поездом, задержанным в середине июня в Красноярске, был эшелон № 98559, следовавший от станции Тайга Кемеровской области, в котором большинство контингента страдало педикулезом.

В ходе репатриации японских военнопленных в Северную Корею не обошлось без серьезных инцидентов, повлекших за собой служебные расследования на уровне ГУПВИ МВД СССР. 23 июля 1946 г. во Владивосток из Новосибирского лепрозория через Красноярск и Иркутск в эшелонах вместе с другими репатрируемыми военнопленными прибыли три японца, которым в лазарете был поставлен диагноз «лепра» [11, с. 119]. Гневная переписка руководства ГУПВИ с

начальником Главного санитарного управления Приморского военного округа генералом Вургафтом не принесла облегчения для больных проказой. Их все же отправили на пересыльный пункт в г. Сейсин (Северная Корея). Один из больных там умер, а других вернули в Советский Союз и отправили на излечение в Иркутский лепрозорий¹.

Должных выводов из этого случая сделано не было. Ситуация с лепрой повторилась в 1949 г. в ходе репатриации военнопленных японцев из Иркутска. При отправке японцев из лагеря № 7 был зафиксирован случай направления в общем вагоне больного проказой, что свидетельствовало о халатности, проявленной членами комиссии при медицинском освидетельствовании кандидатов на освобождение. Исполняющий обязанности начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенант И. Петров срочно дал указание более тщательно подходить к медицинскому осмотру, а также о необходимости репатриировать больных проказой в изолированных вагонах. Дело в том, что их лечение при существовавших методах лечения могло продолжаться долгие годы, не исключено, что и пожизненно. Поэтому в августе 1949 г. четверо больных проказой из Иркутского лепрозория были все же отправлены на родину в отдельных каютах парохода, доставивших несчастных людей в Японию.

Как уже указывалось, масштабы репатриации военнопленных в 1947 и 1948 гг. возросли. При этом формирование групп для отправки проводилось не только в индивидуальном порядке. Теперь в них все чаще включались целые батальоны, включая офицеров. Исключались из списков лишь те, которые отклонялись «оперативниками». Однако одновременно на место выбывших часто завозились другие невольники.

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 146; Оп. 14з. Д. 3. Л. 43.

Выше уже отмечалось, что новые крупные поступления с Запада отмечались вплоть до окончания 1947 г. Также и на место больных репатриированных японцев в восточносибирские лагеря из Северной Кореи завозились партии военнопленных, отличающихся от выбывших более крепким здоровьем¹.

И все же немцы, а также японцы, завозимые в сибирские лагеря в 1946-1948 гг. не полностью покрывали количественные потери от репатриации. К тому же, как это было и раньше, высокой оставалась заболеваемость обитателей лагерей. Все это влияло на снижение качества «трудового фонда», показатели вывода пленных и интернированных на контрагентские работы². В такой ситуации руководством ГУПВИ были предприняты попытки сделать репатриацию одним из стимулов для более производительного труда невольников.

В целях укрепления политико-морального состояния иностранных военнопленных и интернированных, а также стимулирования производительности их труда, директивой МВД СССР за № 102 «Об индивидуальной отправке на родину лучших отличников-производственников немцев» от 29 мая 1947 г. предписывалось в первую очередь отправлять на родину передовиков производства, а также лучших антифашистов. Для этого начальники политотделов совместно с руководителями УМВД ежемесячно составляли разрядки, утверждаемые ГУПВИ МВД СССР. В свою очередь, начальники лагерей, получившие лимит на отправку людей, определяли кандидатов из числа самых передовых антифашистов и направляли в политотдел лагерей для рассмотрения их характеристики³. На практике выполнять эту директиву не очень то стремились.

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 354. Л. 25–26; Ф. 32п. Оп. 10. Д. 10. Л. 5, 9; ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 9. Д. 2. Л. 38; П. 2. Д. 2. Л. 89.

² ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 1. Д. 2. Л. 13, 63.

³ ГАРФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 15. Д. 205. Л. 408.

Об этом свидетельствует такой факт, что на ее основании из лагерей трех областей – Новосибирской, Кемеровской и Тюменской было освобождено всего лишь 50 немецких антифашистов¹.

В отличие от 1946 г. репатриация в 1947 г. из лагерей на родину тщательно отобранных кандидатов производилась так, чтобы об этом знали все военнопленные. Уже беглый анализ списков военнопленных и интернированных, отправляемых на родину показывал, что хороших рабочих в них не так уж и много. Становилось очевидным, что людей просто обманывали. Это накаляло социально-психологическую атмосферу в лагерях. В оперативные отделы стало поступать все больше донесений об открытых агрессивных высказываниях пленных, отстраненных от репатриации. Например, из агентурных сводок было известно, что в лагере № 526 (Кемеровская область) всюду, где собирались военнопленные, они заявляли: «Мы должны отказаться от работы, чтобы русские ничего не могли предпринять против нас, должны действовать вместе, согласованно. Так как домой отправят только больных, то хорошо работая и трудясь добросовестно, мы не можем рассчитывать на то, чтобы быстро уехать домой»². Возросло число случаев умышленного членовредительства и самоубийств.

Принятый советским руководством порядок репатриации дискриминировал офицеров. Они долго не включались в списки освобождаемых, несмотря даже на то, что многие были физически очень слабы. Такой подход выдерживался не только по отношению к немцам и японцам, но и к представителям других национальностей. Так, в 1945 г. было репатрировано более 90 % от общей численности пленных итальянцев. В СССР на начало 1946 г. оставалось 1 213 человек.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 15. Л. 410–411; ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 9. Д. 9. Л. 74–77.

² ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 1. Д. 5. Л. 190.

Из них 668 человек были офицерами и освобождению не подлежали¹. Лишь со второй половины 1946 г. была разрешена репатриация младших офицеров в звании до капитана включительно при условии их непригодности к физическому труду.

Предвзятое отношение к данной категории немецких военнопленных еще как-то можно было объяснить жестоким обращением германского командования с комиссарами и командирами Красной (Советской) Армии. Однако, подобная практика была обращена и на офицеров других национальностей, в том числе и японцев. Так, из лагеря № 34, дислоцированного в Красноярском крае, к концу 1947 г. было репатрировано более половины от первоначального списочного состава, и лишь после этого сформировали относительно небольшую группу из офицеров для их отправки в Японию².

Офицеры, и, прежде всего, имеющие награды, составили значительную часть «военных преступников», направленных по завершению массовой репатриации в тюрьмы и лагеря особого режима. Это повлекло за собой их длительную (на 5–8 лет) задержку с возвращением на родину.

Таким образом, отправку военнопленных и интернированных на родину в 1945–1947 гг. можно считать *первым этапом их репатриации*. В этот период ставилась цель вывезти всех больных, улучшить качество оставшегося «трудового фонда», повысить эффективность его трудового использования. Однако, как уже указывалось, задача эта решалась очень медленно. Хотя количество больных и ослабленных в лагерях сокращалось, доля нетрудоспособных оставалась высокой. В ряде производственных лаготделений на одного работающего приходилось два-три неработающих военнопленных. Для восстановления их трудоспособности

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 20. Л. 46.

² Там же. Д. 79. Л. 35.

и лечения требовались дополнительные финансовые и материальные средства. Это затрудняло решение задачи, стоящей в целом перед ГУПВИ — сделать лагеря самокупаемыми.

Второй этап репатриации пришелся на 1948 и 1949 гг. Накануне и во время его проведения велась большая пропагандистская работа, направленная на подготовку репатрируемых к активному участию в общественно-политической жизни своих стран на стороне демократических сил. С этой целью в лагеря направлялись специально подготовленные политические работники, из ГУПВИ по этому вопросу приходили инструкции и директивы. В областях проводились регулярные собрания партактивов органов МВД и первичных партийных организаций, где обсуждались задачи политического обеспечения репатриации военнопленных и интернированных, приказы и директивы МВД СССР. Перед отправкой пленных на родину в обязательном порядке собирались митинги, резолюции и воззвания направлялись в Москву.

Перед отправкой эшелонов активизировали свою деятельность оперативные отделы лагерей. Под предлогом недопущения вывоза из СССР секретных сведений и документов проводились тщательные обыски военнопленных, изымались любые письменные материалы, документы, фотографии или рисунки¹.

На данном этапе репатриации использовался опыт, накопленный в этом деле за три предыдущих года. Поэтому в целом она проходила более организованно, хотя имелись и крупные просчеты, серьезно отразившиеся на судьбе бывших узников. В 1948–1949 гг. больше внимания уделялось предварительному оздоровлению контингента. Их снимали с тяжелых работ, включали в оздоровительные команды, где было лучшим питание, щадящим был режим труда. Удель-

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 347. Л. 101; ГАРФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 853. Л. 131–131.

ный вес больных и ослабленных в общей численности иностранцев стал значительно меньше, нежели ранее. Перед отправкой люди проходили комплексную са-нообработку со сменой белья, обеспечивались обувью и обмундированием. Лучше, чем это было раньше, к транспортировке военнопленных и интернированных были подготовлены вагоны. В них все могли удобно разместиться. Имелось необходимое оборудование для приготовления и приема горячей пищи. На каждый эшелон выделялись врач и другой медицинский персонал. Эшелоны обеспечивались необходимым количеством медикаментов, перевязочными материалами и дезинфекционными средствами. Вне всякого сомнения, обратный путь проходил все же в более комфортных условиях, чем транспортировка этих же людей после пленения в тыловые лагеря, а именно в них многие оставили свое здоровье. Без него даже радость скорого возвращения домой не всегда была способна поддержать ослабленных людей.

Показатели смертности среди репатриированных в 1948–1949 гг. были значительно меньшими, по сравнению с 1945–1946 гг. Несмотря на более качественную предварительную подготовку, не все смогли выдержать долгого пути возвращения на родину. До сих пор исследователям данной проблемы не удалось обнаружить обобщенные данные, характеризующие смертность среди репатрируемых в пути, в пунктах передачи, включая действующие при них спецгоспитали. Данная информация на всех уровнях тщательно затушевывалась. Так, в итоговых отчетных докладах лагерей, если этот вопрос и затрагивался, то приводились явно заниженные цифры смертности. В подобном документе 93-го лагеря отмечалось: «за весь период отправки военнопленных на родину было два случая смертности в одном эшелоне, а из другого на ст. Брест сняли четырех человек для направления в госпиталь, как больных с повышенной температурой. Других

снятий, а также и побегов из эшелонов в пути следования военнопленных не было»¹. Не отличается оригинальностью информация, содержащаяся в отчетном докладе о деятельности лагерей для военнопленных, дислоцированных в Иркутской области с 1945 по 1949 гг. Так, в отношении репатриантов из 7-го лагеря в нем сообщается, что в пути умерло 3 военнопленных, а 7 сняты и сданы в спецгоспитали². С учетом того, что вплоть до 1948 г. основную часть репатриантов составляли больные, к тому же многие из них были малотранспортабельными, достоверность этих данных вызывает серьезные сомнения.

Известно немало случаев, когда умершие в пути следования снимались с эшелонов и захоранивались на гражданских кладбищах, многие помещались в спецгоспитали, в том числе в пунктах передачи местным органам власти. Есть основания считать, что очень многие так и не смогли достичь своей родины. И в первую очередь это касается больных, в крайне тяжелом состоянии отправленных домой в 1945 г. Об этом свидетельствует, например, служебная записка начальника отдела НКВД по делам военнопленных Группы советских оккупационных войск в Германии. Она была направлена в октябре 1945 г. начальнику санитарного управления этой же группы войск генерал-лейтенанту М. М. Гурвичу. В ней характеризуется физическое состояние первых групп репатрируемых немцев, прибывающих в лагерь военнопленных № 69 во Франкфурте-на-Одере из тыловых лагерей СССР, как крайне тяжелое. Ежедневно сюда поступало по 4–6 эшелонов в сутки. Как отмечалось в документе, «среди прибывающих большой процент смертности: умирают в пути следования, в пунктах прибытия, умирают в спецгоспитале». Не менее 100 человек из каждого эшелона нуждались в срочной госпитализации,

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 25.

² Там же. Д. 76. Л. 56.

поскольку страдали брюшным тифом, дизентерией и иными заболеваниями. Записка содержала вывод о том, что передавать такой контингент местным органам самоуправления ни в коем случае нельзя, и вполне естественной была просьба к вышестоящему начальству срочно открыть при лагере № 69 хотя бы еще один спецгоспиталь [4, с. 59].

Как это было и ранее, на данном этапе репатриации ответственные за отправку людей на родину в спешке допускали серьезные нарушения при оформлении документации, личных дел, персональных списков, которые были составлены небрежно, содержали многочисленные ремарки, вычеркнутые фамилии, оказывались не заверенными печатями или просто не читались¹. В результате этого, по прибытии в перевалочные лагеря, репатриантов вынуждены были держать под открытым небом и откладывать их дальнейшую отправку.

Подготавливая к отправке очередные партии, администрации лагерей старались изъять у военнопленных вещи, превышающие положенный им гарнитур. А таких вещей за долгие месяцы пребывания в плену накапливалось немало. При этом следует отметить, что большая часть предметов вещевого имущества была выдана через вполне легальные каналы, такие как премирование за хорошую работу, приобретение в торговой сети за счет личного заработка.

В желании поскорее отправиться на родину, пленные и интернированные не желали спорить с администрацией и оказаться не включенными в список отъезжающих. Они подписывали акты, в которых никаких претензий к администрации лагерей не фиксировали. На самом деле это мало соответствовало действительности. При таком положении естественными были жалобы военнопленных уже в местах передачи репатри-

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 365. Л. 14-16.

ируемых местным органам власти на произвол руководителей тыловых лагерей по изъятию личных вещей, а также ценностей. В связи с этим руководство ГУПВИ было вынуждено неоднократно отправлять в тыловые лагеря директивы о необходимости производить полный расчет с военнопленными и интернированными перед отправкой на родину и выдавать на руки, принадлежащие им вещи и ценности, часы, кольца, деньги в иностранной валюте и т.п., а также предоставлять возможность приобретать на заработанные деньги предметы первой необходимости и продукты питания. Документы обязывали начальников лагерей делать отметки в списках о количестве предметов вещевого имущества, принадлежащих репатрируемым. За нарушение имущественных прав, на основании распоряжения МВД СССР (№ 436), виновных следовало наказывать. И это имело место в повседневной практике. Например, именно за такие проступки получили дисциплинарные взыскания руководители лагерей № 503 и № 525 от начальника Управления УМВД Кемеровской области генерал-майора Шамарина¹.

Несмотря на имевшийся во многих лагерях дефицит обмундирования, военнопленные возвращались на родину относительно неплохо одетыми и обутыми, и на втором этапе репатриации по преимуществу в новом обмундировании. Сложнее обстояло дело с денежными расчетами и возвращением ценностей. Первые приказы о репатриации не упоминали об этом, словно такой проблемы вовсе не существовало. Но под влиянием многочисленных жалоб руководство ГУПВИ было вынуждено время от времени направлять в тыловые лагеря письма и распоряжения с напоминаниями о необходимости производить полные расчеты с репатрируемыми и предоставления им возможности приобретать на выданные деньги продукты питания

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 117-118.

и предметы первой необходимости через ларьки при лагерях МВД для военнопленных.

Однако эти указания выполнялись далеко не всегда. Также не полностью возвращались и ценности. По многим свидетельствам бывших узников советских лагерей большая часть из них была по различным причинам утрачена еще до поступления в тыл. Другую часть следовало учесть и хранить в лагерях. Но таких описей часто не составлялось. Вещи хранились без документального учета. При репатриации некоторая их часть оказалась не востребованной. Поэтому получалось так, что при ликвидации лагерей оставалось еще много не возвращенных ценностей. Например, немало их осталось на момент ликвидации новосибирского лагеря № 199. Эти ценности впоследствии были сданы в финансовый отдел Управления Министерства внутренних дел, а также в финансовый отдел Центрального района г. Новосибирска¹.

Таким образом, военнопленные потеряли немалую часть своих личных вещей. Не очень их радовало и окончательное денежное вознаграждение за труд. На суммы, полученные в ходе окончательного расчета, основная масса смогла приобрести мелкие личные вещи, продовольственные товары. Большие суммы были выплачены военнопленным, работавшим в шахтах на руководящих должностях. Бригадир, командиры взводов и горные мастера, получили при расчете от 1 000 до 2 000 р., а отдельные командиры рот и батальонов смогли заработать до 10 000 р. На эти деньги можно было приобрести не только часы и костюм, но также и пальто².

В целом же в полупустых магазинах и киосках приобрести качественные вещи было очень трудно. Поэтому отдельные пленные пытались провести со-

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 170. Л. 29.

² Там же. Оп. 07е. Д. 1017. Том. 1. Л. 157-158; ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 24. Л. 73-76.

ветские деньги за границу. Например, в г. Бресте при проверке эшелона, следовавшего из Новосибирской и Кемеровской областей, у репатрируемых было изъято более 4 000 р.¹

Зато в итоговом отчете НКВД о проведенной репатриации в этом отношении все выглядело вполне благополучно. В этом документе отмечалось: «Особое внимание было обращено на местах на производство своевременного и полного денежного расчета с военнопленными за выполненные ими работы, а также на удовлетворение законных требований о возвращении вещей и ценностей. Военнопленным была предоставлена полная возможность (через систему специально организованных ларьков) приобрести на заработанные ими деньги промышленные и продовольственные товары. На протяжении всего хода репатриации от военнопленных не поступило ни одной жалобы на плохое обращение с ними, по вопросам денежных расчетов, о возвращении личных вещей и т. п.»².

Как и все пребывание военнопленных в лагерях, их возвращение на родину сопровождалось комплексом политических мероприятий. Отправка очередной группы превращалась в своеобразный смотр по оценке эффективности идеологической обработки контингента за все время плена.

Узники лагерей обязаны были понять и принять к исполнению правила игры, навязанные им политическими органами ГУПВИ и всей общеполитической обстановкой. В соответствии с ними перед отправкой эшелонов проводились собрания и митинги. Все они проходили по схожему сценарию. Выступающие благодарили советское правительство, руководство ГУПВИ, администрацию лагерей за неустанную заботу о них, гуманное отношение, не забывая подчеркнуть, что такое возможно лишь в стране победившего

¹ ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 24. Л. 73–76.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 34а. Д. 8. Л. 31.

социализма. И хотя было очевидно, что большая часть этих речей неискренняя, общий порядок никогда не нарушался. Более того, по традиции того времени, собрания часто заканчивались принятием резолюций и благодарственных писем, направляемых в адрес руководства Советского Союза и лично И. В. Сталину.

За многие годы транспортировки бывших вражеских военнослужащих в СССР была отработана система охраны перевозимых контингентов. Однако за время пребывания военнопленных и интернированных в тыловых районах складывалось впечатление, что невольники никуда не уйдут. Побег из сибирских лагерей были все же единичными. А побег из эшелонов, везущих пленных к родному дому вообще казались противоестественными. В связи с этим начальники УМВД сибирских краев и областей не всегда ответственно подходили к комплектованию сопровождения и охраны эшелонов. Среди охранников оказывались люди с ярко выраженными пороками. Поэтому регулярными были случаи пьянства, спекуляции, мошенничества, откровенного воровства, отъема вещей у репатриантов. В результате плохой организации охраны, из-за корыстных намерений в эшелоны вместе с пленными проникали гражданские лица. Причем некоторые из них пытались нелегально пересечь границу¹.

К концу 1948 г., после того как на восток и на запад ушли последние эшелоны, в сибирских лагерях установилась сложная морально-психологическая обстановка. Она начала формироваться еще летом, когда некоторые пленные поняли, что сосредоточенность усилий администраций лагерей на хозяйственных вопросах и на подготовке лагерей к зиме означает, что их на родину и на этот раз не отправят. И это происходило тогда, когда мыслями невольники были уже у себя дома. Ситуация стала накаляться. Это следовало из донесений, поступавших в оперативные отделы ла-

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 8и. Д. 5. Л. 81-100.

герей. Знали о ней и в министерстве. Поэтому еще летом 1948 г. заместитель министра МВД СССР генерал И. Серов в обращении к начальникам УМВД по краям и областям рекомендовал «категорически запретить шумиху вокруг вопросов, связанных с подготовкой лагерей к зиме, так как это повлекло за собой не только нездоровые настроения в среде военнопленных, но и побег»¹. Те, кто не получили ожидаемой свободы пережили психологические стрессы. Перенести их смогли не все. Заметно возросло число самоубийств². Одновременно увеличилось число открытых проявлений агрессии, протеста, возродилась профашистская пропаганда. Одной из форм проявления протеста стало изменение отношения к выполняемой работе³. Многие военнопленные открыто заявляли о своем отказе от работы, выражали намерение бежать из лагеря. Только в одном из отделений режимного лагеря № 464 в Кемеровской области с угрозами в адрес Советского правительства выступили 73 человека⁴.

Приведем лишь некоторые из них. «Вопросами репатриации военнопленных Советский Союз занимается мало, а занимается использованием нас как рабочей силы. Мы сами виноваты, что так долго находимся здесь. Если бы мы плохо работали — нас давно бы выгнали» (военнопленный Фриц Рихард). «Верить русским офицерам нельзя, они неправду говорят, на каждом шагу обманывают нас. Такое же поведение и антифашистского комитета. Они тоже занимаются «замазыванием» глаз военнопленным. Хватит слушать их ложную пропаганду. Давно пора их повесить. Нам в прошлом году обещали родину. Прошел год. В этом году тоже обеща-

¹ Мемориальный музей немецких антифашистов (ММНА). Не основной вспомогательный фонд. Инв. № 1661/1; ГАРФ. Ф. Р.-9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 1. Л. 344.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 66.

³ Там же. Д. 347. Л. 101.

⁴ Там же. Д. 331. Л. 68.

ли отправить. Но уже сентябрь, а нас еще много здесь. И, по-видимому, мы останемся в лагере. Им нужна только наша работа. Мы будем работать только до конца октября, а потом бросаем работу... И тогда посмотрим, что из этого получится» (военнопленный Мюллер)¹. «Мы должны забастовать. Это быстрее решит нашу судьбу» (военнопленный Шламбергер)².

Многие их подобных высказываний становились известными оперативным работникам. Лица, подстрекающие пленных к неповиновению лагерной администрации, отказу от работы и приема пищи, плохо отзывавшиеся о СССР и ее руководителях незамедлительно изолировались. Более того, отдельные пленные по согласованию с органами прокуратуры и ГУПВИ СССР арестовывались и предавались суду Военного трибунала. Самые активные были осуждены, и, перейдя в разряд преступников, оказались в тюрьмах и в лагерях ГУЛАГа.

С начала 1949 г. руководство ГУПВИ стало вести активную подготовку к завершению репатриации. Ставилась задача еще раз так профильтровать оставшийся в лагерях контингент, чтобы на родину не уехали те, кто в военное время особенно провинился перед советским народом и государством.

В мае-июне 1949 г. в Москве прошли совещания начальников оперативных отделов УПВИ (ОПВИ) УМВД лагерей. На них обсуждались задачи и мероприятия по организации оперативной работы, подводились итоги проведенной фильтрации, с целью выявления «военных преступников», собирались ориентировки на проходивших службу на оккупированной территории СССР³. Направленные по итогам этих встреч директивные указания и инструкции настоятельно рекомендовали усилить оперативную и политическую

¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 70.

² Там же. Л. 69.

³ Там же. Л. 98–100.

работу среди контингента лагерей¹. С этой целью в лагерях создавались оперативно-следственные группы и комиссии по делам о военных преступниках.

До конца года второй этап репатриации военнопленных и интернированных гражданских лиц из Сибири завершился. Все существовавшие в Сибири лагеря и отдельные рабочие батальоны были ликвидированы. Основная масса обитателей лагерей была отправлена на родину. В Советском Союзе были оставлены лишь те, кто находился под следствием, был осужден, на которых имелись серьезные компрометирующие материалы. Военнопленные из западных армий были отправлены на Урал и в Красногорский лагерь (Московская область) для офицеров. Японских «военных преступников» перевезли в хабаровский режимный лагерь № 16, несколько сотен человек были отправлены в тюрьмы. Многим из тех, кого перевели в режимные лагеря, еще предстояло пройти через суды военного трибунала. Отметим, что данные процессы были характерны для всей страны. И в целом по СССР именно в это время закончился вывоз из страны основной части военнопленных и интернированных.

Всего лишь несколькими десятками исчисляются те, кто добровольно захотел остаться в Советском Союзе. Например, один немецкий солдат добровольно остался в Новосибирской области и принял советское гражданство. Артур Фельгенд्रेер, находившийся в

¹ Например: телеграфное распоряжение МВД СССР № 771 «Об усилении оперативной и политической работы среди военнопленных» от 17.12.1948 г.; распоряжение МВД СССР № 382 с объявлением временного положения об оперативно-следственных группах по делам о военных преступниках из числа военнопленных» от 14.06.1949 г.; решение МВД СССР, МГБ СССР и Генеральной прокуратуры СССР «О создании и порядке деятельности комиссий по рассмотрению материалов на военнопленных, отстраненных от репатриации в лагерях МВД» от 14.10.1949 г. (Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941–1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. С. 763–764; 766–768; 778–779).

совсем еще юном возрасте и потерявший во время бомбежки свою семью в Германии, решил на этот шаг. А причиной стала любовь. Направленный в подсобное хозяйство лагеря 199, он оказался в близкой этнической среде российских немцев, депортированных сюда из Поволжья и Украины и трудившихся в совхозе УВД № 2 (ныне пос. Мирный). Сыграли скромную свадьбу, и, казалось, бывший солдат вермахта навсегда связал свою судьбу с Сибирью. А. Фельгенд্রেер, его супруга и их дети добросовестно работали в совхозе, рос достаток семьи. Но в 1990-е гг., в ходе массового переселения российских немцев на историческую родину, некогда одинокий немецкий юноша, а теперь глава большого семейства вместе с женой, детьми, внуками, зятями и невестками уехал в Германию¹.

Взамен целой сети ликвидированных сибирских лагерей и ОРБ в Сибири был создан один – режимный лагерь № 464 с двумя лагерными отделениями в Сталинске и в Прокопьевске. Он принял из ликвидированного лагеря № 525 «военных преступников» численностью 3 718 человек².

Третий этап репатриации военнопленных из сибирских лагерей оказался коротким. Несопоставимой с двумя предыдущими этапами была и численность отправленных на родину. Третий этап проходил в мае 1950 г. и был связан с расформированием и ликвидацией лагеря № 464. Режимные пленные этого лагеря трудились на объектах ликвидированного лагеря № 525. В конце 1949 г. они прошли очередную фильтрацию. В результате проведенной оперативно-следственной работы было арестовано и осуждено за воинские преступления 426 человек³. С окончанием зимы руковод-

¹ Запись рассказа Поппа Федора Федоровича – старожилы пос. Мирный Коченевского района Новосибирской области. Рукопись. Используется с личного разрешения респондента.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 924. Л. 126–131; Ф. 32 п. Оп. 10. Д. 24. Л. 99, 101, 106.

³ Там же. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 64.

ство 464-го лагеря стало готовиться к его ликвидации и отправке военнопленных на родину и в другие лагеря. Первыми уехали те, кто получил право на репатриацию. Последний эшелон с 787 осужденными на длительные сроки был отправлен из Сталинска 5 мая 1950 г. в Свердловский режимный лагерь № 476. На этом репатриация военнопленных и интернированных из сибирских лагерей завершилась.

Что же касается судьбы тех, кто оказался в режимных лагерях в статусе военных преступников, то она оказалась очень тяжелой. Большинство из них покинули Советский Союз лишь в 1956 г. Хотя небольшая часть бывших обитателей лагерей еще оставалась в Сибири, они уже не считались военнопленными иностранных армий, получив статус обычных заключенных тюрем и лагерей ГУЛАГа. О жизни невольников в этих учреждениях написано немало. Одна из книг, опубликованных в Германии под редакцией профессора Э. Машке, как раз и содержит воспоминания бывших пленных. В ней рассказывается о пребывании немцев в 1949–1956 гг. в двадцати крупных отделениях лагеря № 247 Сиблага, расположенных неподалеку от г. Мариинска Кемеровской области. Авторы повествуют о трудовом использовании осужденных немцев (включая российских), австрийцев, венгров, литовцев, эстонцев, поляков, русских эмигрантов на карьерах и каменоломнях, спиртовом заводе, на лесоповале, в сельском хозяйстве. Численность осужденного иностранного контингента в лагере № 247, по словам очевидцев событий, колебалась от 130 до 300 человек и постоянно менялась, так как в лагерь прибывали новые этапы, после отбытия наказания часть иностранцев направлялась в режимные лагеря, иные получали дополнительный срок и распределялись по лагерям и тюрьмам в СССР [14, S. 247–257, 286–292]. О труде немецких военнопленных в колониях, расположенных в окрестностях г. Мариинска, режиме,

судьбах вернувшихся в 1950-е гг. в Германию упоминает в своих публикациях историк из Берлина Виктор Горыня [13, с. 31–43].

Таким образом, репатриация военнопленных и интернированных из лагерей, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонов, расположенных на территории Сибири, прошла в три этапа. Она сильно растянулось во времени. Освобождение бывших воинов из плена и их транспортировка носили многоплановый и широкомасштабный характер и проводились в соответствии с директивными указаниями советского правительства и НКВД (МВД) СССР. В целом отправка бывших вражеских солдат на родину соответствовала правилам обращения с военнопленными. Однако в связи с бедственным положением ослабленной в Великой Отечественной войне страны, с огромными масштабами перемещаемых людских масс, при ее осуществлении имелись многочисленные нарушения. Репатриация военнопленных из сибирских лагерей соответствовала общесоюзным тенденциям и проходила в те же самые сроки и примерно с теми же количественными пропорциями по годам. Негативное влияние на репатриацию иностранцев оказывали чрезмерная подозрительность «органов госбезопасности», их попытки наказать как можно больше «преступников», всевозможные препоны со стороны хозяйственных органов, боявшихся остаться без крайне необходимой им части трудового потенциала. Последняя партия военнопленных и интернированных, подлежащих репатриации, отправлена из Сибири на родину в 1950 г., а относительно небольшое количество «осужденных военных преступников» было передано в режимные лагеря. По времени завершение отправки бывших иностранных военнопленных совпало с моментом окончания в основном грандиозного перемещения по планете огромных людских масс, вызванного Второй мировой войной.

Список использованной литературы

1. Бугай Н. Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40–50-е гг. / Н. Бугай // Обозреватель. — 1996. — № 3. — С. 50–54.
2. Букин С. С. Формирование лагерей военнопленных интернированных в Сибири / С. С. Букин, А. А. Долголюк // Гуманитарные науки в Сибири. — 2000. — № 2. — С. 49–53.
3. Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.) / В. П. Галицкий. — М. : Грааль, 1997. — 246 с.
4. Конасов В. Б. Долгий путь на родину. (Репатриация немецких военнопленных из СССР) / В. Б. Конасов, А. В. Терещук // Новый часовой. — 1994. — № 2. — С. 53–75; 1995. — № 3. — С. 67–75.
5. Конасов В. Б. Репатриация последних немецких военнопленных осенью 1955 года. (По материалам российских архивов) / В. Б. Конасов // Вестник архивиста. — 1997. — № 5. — С. 72–84.
6. Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР : дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы : очерки и документы / В. Б. Конасов. — Вологда, 1996. — 320 с.
7. Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.) / С. И. Кузнецов. — Иркутск, 1997. — 261 с.
8. Маркдорф Н. М. Возвращение иностранных военнопленных из лагерей МВД СССР Западной Сибири на родину : общесоюзные и региональные аспекты (1945–1950-е гг.) / Н. М. Маркдорф // Известия Самарского научного центра РАН. — 2009. — Т. 11, № 2 (28). — С. 163–170.
9. Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы и белоэмигранты в Западной Сибири / Н. М. Маркдорф. — М. : Ин-т энергии знаний, 2011. — 234 с.
10. Маркдорф Н. М. Особенности репатриации японских военнопленных из Западной Сибири: причины, процесс, итоги, значение (1946–1949) / Н. М. Маркдорф // Россия и АТР. — 2012. — № 4. — С. 114–122.
11. Морре Й. Спецлагеря НКВД в Германии / Й. Морре // Германия и Россия в XX веке : две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 10-летию объединения Германии. — Кемерово, 2001. — С. 142–149.
12. Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.) : проблемы размещения, содержания и трудового использования / М. Н. Спиридонов. — Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т, 2001. — 260 с.

13. Gorynia V. After 1945: Two German Paths to Democracy / V. Gorynia // Together across the Abyss into the Future II. — Berlin : KARUNAZEITUNG-Verlag, 2001. — P. 31–43.

14. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion / Hrsg. v. Maschke E. 15 Bände. München ; Bielefeld, 1967–1974.

Информация об авторах

Долголюк Алексей Алексеевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории социально-экономического развития, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: dolgalal@mail.ru.

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: nmark@mail.ru.

Authors

Dolgoliuk Alexey Alexeevich — D.Sc. in History, Senior Researcher, Institute of History of the SB RAS, 8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, e-mail: dolgalal@mail.ru.

Markdorf Natalia Mikhailovna — D.Sc. in History, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyiskaya str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, e-mail: nmark@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Долголюк А. А. Репатриация военнопленных Второй мировой войны из сибирских лагерей / А. А. Долголюк, Н. М. Маркдорф // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 4. — С. 727–762. — DOI : [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).727-762](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).727-762).

Reference to article

Dolgoliuk A. A., Markdorf N. M. Repatriation of prisoners of World War II from Siberian camps. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 727–762. DOI: [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).727-762](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).727-762). (In Russian).